

афинского регнона³ не проделано с должной полнотой и законченностью (с. 199, примеч. 2).

Последняя глава (V. Новая картина: общая характеристика эпохи Комнинов) содержит парафразы предыдущих произведений византиста⁴. Ее структура (Крупная и мелкая личная собственность. Сохранение независимого крестьянства. К зависимости: крупные императорские пожалования. Торжество латифундиальной системы церкви. Земля и армия. Фискализация стратий. Институт военной пронии. Генерализация и распространение парики) отражает проблемный подход к изучению широкого круга исторических явлений. И хотя П. Лемерль остается верен концепции, которая зиждется на непризнании феодального развития Византии (с. 201—202)⁵, никогда прежде ученому не удавалось столь рельефно выразить и столь последовательно обобщить свои взгляды на характер изме-

нений в аграрном строе XI—XII вв. На первый план выдвигается тезис о сохранении свободной сельской общины (с. 204—207). Изучая реальные перемены, наблюдаемые в указанный период, французский историк концентрирует внимание на появлении апанажей (впрочем, заимствованный у медиевистов термин исключен из лексикона византиста) крупных светских землевладельцев, росте латифундиальных владений церкви и развитии пронии. Исследование развития стратиотского землевладения и пронии завершается систематизацией представлений ученого об истории военного землевладения в X—XII вв. (с. 241). Во фрагменте, посвященном распространению парики, обсуждаются социально-экономические условия жизни византийского крестьянства комниновской эпохи. Как и некогда, П. Лемерль подчеркивает, что статус парика, которому, по словам историка, были неизвестны узлы личной зависимости от его господина, в корне отличается от положения феодально зависимого крестьянина (с. 246—247).

Несмотря на приверженность П. Лемерля подвергавшейся критике концепции, научная значимость его труда не подлежит сомнению. Опубликование английского варианта этого произведения свидетельствует о возрастающем интересе западноевропейских византистов к социально-экономической проблематике.

Ю. Я. Вин

³ *Granstrom E., Medvedev I., Papachrysanthou D. Fragment d'un Praktikon de la région d'Athènes (avant 1204). — REB, 1976, 34, p. 5—44.*

⁴ См.: *Lemerle P. Cinq études sur le XIe siècle byzantin. P., 1977; Idem. Recherches sur le régime agraire à Byzance: la terre militaire à l'époque des Comènes. — Cahiers de Civilisation Médiévale, 1959, an. II, N 3, p. 265—281.*

⁵ *Курбатов Г. Л. История Византии: (Историография). Л., 1975, с. 230—231.*

J. Koder, T. Weber. Liutprand

von Cremona in Konstantinopel. Wien,

Небольшое по объему исследование И. Кодера и Т. Вебера примыкает к направлению, ставящему целью историко-культурное изучение византийской цивилизации. Воссоздание разговорного языка, реалий и специфики повседневной жизни византийцев, как отмечает в издательском предисловии Г. Хунгер, составляет важный аспект современных исследований средневековой, в том числе византийской, культуры.

Книга состоит из введения (И. Кодер) и двух частей: «Лиутпранд Кремонский и греческий язык» (И. Кодер), «Блюда и напитки в Константинополе X в. по сообщению Лиутпранда Кремонского» (Т. Вебер).

Лиутпранд, кремонский епископ (ок. 920—970/3), дважды в течение своей жизни побывал в Константинополе: в 949—950 гг. (с дипломатической миссией короля Беренгарда II) и в июле—октябре 968 г. (как посол Оттона I). Впечатления от первого пребывания в столице Византии нашли отражение в его сочинении «Aniarpodosis». а второго — в дневниковых записях — «Legatio». Сочинения и записки Лиутпранда содержат богатый материал, отражающий повседневность дипломатической жизни и быта византийского двора в середине второй половине X в., но авторы книги останавливаются лишь на двух аспектах этой многогранной темы: употреблении

греческих слов и выражений кремонским епископом, а также на названиях блюд и напитков, о которых идет речь в его сочинениях.

Задача И. Кодера — анализ греческого словарного состава в текстах указанных сочинений Лиутпранда. Анализируя встречающиеся в них греческие вокабулы (общим числом около 230), автор вычленяет, правда, с оговоркой о невозможности абсолютно точного подразделения ряд языковых слоев, относящихся к античной и христианской литературе (Библия, патристические сочинения), разговорному языку византийцев, а также к греческой лексике (преимущественно литургической), бывшей в ходу на средневековом Западе.

Кодер дополняет основную исследовательскую часть глоссарием, а также таблицами и диаграммами, отражающими процентное соотношение анализируемой лексики. В целом, считает исследователь, в языковом багаже кремонского епископа, особенно в «Legatio», фиксирован свежее впечатление, преобладали разговорный греческий язык X столетия. Это, по мнению автора, одно из дополнительных доказательств того, что Лиутпранд не был отделен от византийского мира, напротив, он мог достаточно легко ориентироваться в сложной византийской титулатуре, а также отваживался даже на малопрстойную игру слов. На основа-

нии своих наблюдений Кодер высказывает предположение, что именно познания в греческом языке были приобретены Лиутпрандом во время его пребывания в Константинополе. Не исключено также, что именно здесь произошло его знакомство с некоторыми памятниками как классической греческой, так и современной ему литературы.

Как справедливо отмечает Кодер, тот факт, что Лиутпранд мог не только говорить по-гречески, но и читать, что подтверждается в целом ряде случаев правильной орфографией (так, например, не встречаются ошибки в окончаниях 1 скл. ж. р. дат. η, а не ι — при итацистическом произношении (!) — или во 2 скл. м. р. дат. ω, а не ο) — явление в общем-то нетипичное для той эпохи.

Но в какой мере лексика и обороты из прочитанных Лиутпрандом оригинальных греческих сочинений были усвоены им активно? Иными словами, с какой степенью свободы кременский епископ изъяснялся на чужом для него языке?

Кодер сетует на отсутствие в «Antarodosis» и «Legatio» достаточно больших самостоятельных грекоязычных отрыв-

ков (т. е. принадлежащих самому епископу, а не цитат из прочитанных им сочинений), по которым можно было бы составить представление о синтаксисе греческого языка кременца.

Но так ли это? Действительно, греческие фразы из сочинений Лиутпранда, приведенные автором, казались бы, мало что могут дать исследователю для суждений о синтаксисе греческого языка епископа и еще меньше — о степени свободы, с которой он владел им, поскольку представляют собой в одних случаях «мозаику» из цитат, а в других — сочетание предлога с именем или причастием. И все же среди приведенных Кодером примеров имеется один, на наш взгляд достаточно самостоятельный, позволяющий высказать некоторые предположения относительно поставленных выше вопросов. Речь идет о редакции Лиутпранда истории о споре Зевса и Геры по одному крайне актуальному для них вопросу.

Сравним ее с выделенными самим Кодером предполагаемыми источниками — схолией к Гомеру (Od X 494) и замечанием у Флегона (Ph 4, 3f)¹.

Liutpr.

Zeus kai Hera ηρισαν περι αφροδισιων της πλειονα έχει ηδονα εν τη συνουσία και τότε Τηρεσίαν Εβρου υιον εξήτησαν. Ουτος γάρ εν ταις αμφοτέραις φύσεσι μεταμορφώθη επιδι δράκοντα επάτησεν. Ουτος ουν κατα της Ηρας απεφηνατο και Ηρα οργισθείσα επήρωσεν αυτον, Zeus δε εχαρισато αυτω πολλοις ζησαι ετεσι και οσα ελεγεν μαντικα λεγειν

Sch.

φαίν ως δράκοντας δύο έν Κιθαρωνί μιγνυμένους ιδών άνειλε την θήλειαν, και ούτως μεταβέβληται εις γυναίκα, και πάλιν τον αρρενα και απέλαβε την ιδίαν φύσιν. Τούτον Zeus και 'Hρα κριτην ειλοντο, τίς μάλλον ήδεσται τη συνουσία το αρρεν ή το θηλυ. ο δε ειπεν «οίτην μὲν μοιραν δέκα μοιρών τέρπεται άνηρ, τας δέκα δ'εμπίπλησι γυνή τέρπουσα νόημα». διόπερ ή μὲν 'Hρα οργισθείσα επήρωσεν ο δε Zeus την μαντείαν δωρειται

Ph.

Διός δε έρίσαντος 'Hρα και φαμένος έν ταις συνουσίαις πλειονεκτειν την γυναίκα του άνδρός τη των αφροδισίων ήδονη, και της 'Ηρας φασκούσης τά ενάντια, δόξει αυτοίς μεταπεψμαμένοις έρεσθαι τον Τηρεσίαν διά το των τρόπων αμφοτέρων πεπειράσθαι. του δε έρωτώμενου αποφήνασθαι διότι μοιρών ούσων δέκα τον άνδρα τέρπεσθαι την μιάν, την δε γυναίκα τας έννέα. την δε 'Hραν οργισθείσαν κατανόξει αυτού τουσ όφθαλμοус και ποιήσαι τυφλόν, τον δε Δία δωρησασθαι αυτω την μαντικήν και βιουον επί γενεάς επτά.

Сопоставление обнаруживает, что редакция Лиутпранда сильно упрощена: отсутствуют такие характерные для греческого языка обороты, как, например, Genitivus absolutus, епископ избегает непривычное (для него!) беспредложное употребление датива (ср.*εν τη συνουσία/τη συνουσία), часто встречается противоречащее законам греческой стилистики употребление одного и того же указательного местоимения (ουτος) всего один раз имя собственное употреблено с артиклем (ср. четыре раза у Флегона).

Таким образом, греческий отрывок, написанный епископом, выглядит крайне неуклюже. Однако, сопоставив этот греческий текст с его переводом на латынь, выполненным самим же Лиутпрандом, мы можем убедиться, что это «калька». При этом «скалькированный» латинский отрывок стилистически выглядит намного изящнее. Iuppiter et Iuno contenderunt de amoribus, quis plures haberet libidines in coitu. Et tunc Tiresiam, Evri filium quaesive-

runt. Iste enim in utrisque naturis transmutatus est, quia draconem calcavit. Hic ergo contra Iunonem pronuntiavit et Iuno irata excaecavit eum. Iuppiter autem donavit ei multis vivere annis et quanta diceret, divinando diceret.

*Zeus kai Hera ηρισαν περι αφροδισιων της πλειονα έχει ηδονα εν τη συνουσία. Και τότε Τηρεσίαν Εβρου υιον εξήτησαν. Ουτος γάρ εν ταις αμφοτέραις φύσεσι μεταμορφώθη επιδι δράκοντα επάτησεν. Ουτος ουν κατα της Ηρας απεφηνατο και Ηρα οργισθείσα επήρωσεν αυτον, Zeus δε εχαρισατο αυτω πολλοις ζησαι ετεσι και οσα ελεγεν μαντικα λεγειν.

Принимая во внимание все сказанное выше, не будет, видимо, натяжкой предположить, что Лиутпранд мог понимать иностранную, т. е. греческую, как устную так и письменную речь преимущественно в общих чертах. Если ему надо было выразить свою мысль на этом языке, то он, вероятно, составлял про себя ла-

¹ Здесь и далее — орфография Лиутпранда.

тинское предложение, а затем перевел его дословно на греческий, используя, очевидно, при этом «блоки», т. е. застывшие выражения, усвоенные им как при непосредственном общении с византийцами, так и при чтении литературных произведений. Но такой способ выражения своих мыслей на чужом языке, как известно, нелегко. Вероятно, именно поэтому епископ крайне редко приводит «объемные» греческие фразы, ограничиваясь словосочетаниями. Это же обстоятельство дает право предположить, что синтаксис греческого языка Лиутпранда примерно соответствовал более упрощенному синтаксису его латыни. Однако из соображения красоты стиля и желая блеснуть редким для X в. на Западе знанием греческого языка, епископ вполне осознанно расцвел греческими словами свои сочинения.

Подтверждением того, что Лиутпранд понимал по-гречески лишь общий смысл сказанного (а порой, вероятно, и прочитанного), может служить также его «перевод» евангельского стиха (Лука 18, 25) сходным, но не адекватным стихом (Матфей 19, 24): появив по-гречески идею (о невозможности для богатого войти в царство божие), Лиутпранд передает ее в более привычной (?) для него форме, т. е. по Евангелию от Матфея.

Завершая анализ первой части исследования, хотелось бы сделать одну поправку: выражение **ορθρου βαθεως*, отнесенное к рубрике «BG» (виз. греч.; с. 47), следовало бы скорее отнести к рубрике «AG» (антич. греч.) на основании Pl Crit., 43 A.

La Chronique attribuée connétable Smbat/Introduction, traduction et notes par G. Dédéyan. P., 1980.

В XIX в. в России и Франции началась широкая публикация памятников древнеармянской литературы преимущественно исторического характера. При этом французские издания преследовали цель ввести армянские памятники в круг современных им восточных и западных источников, освещающих проблемы истории Византии и стран Ближнего Востока в эпоху крестовых походов. Наиболее ярким свидетельством этого явилась публикация двух томов армянских источников в серии «Requiel des historiens des croisades».

Издание армянских памятников и их перевод на русский язык в основном были связаны с проблемами истории собственно Армении. Русская переводческая традиция фактически не прерывалась, и современные переводы во многом следуют методике, выработанной еще в прошлом (в трудах таких выдающихся арменистов, как Н. Эмин, К. Пагканов) и в начале нашего века (Н. Я. Марр, Н. Адонц и И. А. Орбели). Французская переводческая традиция представлена такими именами, как Ж. Сен Мартеи, Ф. Нэв, Э. Дюлорье и В. Ланглуа¹.

¹ Широко известны многочисленные переводы на французский язык М.-Ф. Броссе

Вторая часть книги, написанная М. Вебером, посвящена, как уже отмечалось, некоторым особенностям «меню» византийцев того времени. Прежде всего необходимо отметить методику исследования: Вебер сопоставляет высказывания Лиутпранда с тем, что писали об этих кушаньях древние греки или сами византийцы. Так, читатель узнает, что «вино, отдающее смолою», вовсе не злая гипербола епископа; совсем напротив, смола и гипс издавна использовались для ароматизации и осветления вин. В целом же Вебер считает, что византийская кухня X столетия следовала античной традиции, хотя и имела свою специфику, в частности раздражающее Лиутпранда пристрастие к жирной козлятине. Вместе с тем исследователь высказывает предположение и об известной общности блюд в меню западноевропейцев и византийцев (например, *γαρον* — соус из тухлой рыбы или *καϊμαδιον* — морские сушари).

Резюмируя, следует еще раз подчеркнуть, что небольшая, но весьма содержательная книга Кюдера и Вебера находится в русле современных не только византиноведческих, но и медиевистических исследований, ставящих целью более глубокое проникновение в специфику как западноевропейской средневековой, так и византийской цивилизации, свидетельством чему является программа Международного конгресса исторических наук в Бухаресте (1980) и Международного конгресса византинистов в Вене (1981).

Н. И. Сериков

С известным основанием можно говорить о преемственности переводов армянских источников и на французский язык как во Франции, так и в Бельгии. В этой связи следует отметить переводы «Истории» Вардана Великого и «Книги посланий»². В 1973 г. вышел французский

се, большую часть жизни проведшего в России и полностью учитывавшего современную ему русскую историографию, что было сложно для его французских коллег. Особенно важно отметить, что Броссе был теснейшим образом связан с научными кругами Грузии и Армении, это непосредственным образом отразилось на глубине и фундаментальности его исследований. С учетом этого обстоятельства французские переводы Броссе, связанные с историей Закавказья, следует рассматривать скорее в русле русской, нежели французской традиции, хотя это деление в известной мере условно.

² La domination arabe en Armenie. Extrait de l'histoire universelle de Vardan / Trad. par J. Muyltermans. Louvain; Paris, 1927; Livre des lettres. Documents concernant les relations avec les grecs. — Melanges de l'Université Saint-Joseph. Beyrouit, t. 32, f. 1, p. 1—146.